

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

недосмотры и неточности. Все, что мы могли сказать, конечно, нисколько не умаляетъ крупныхъ достоинствъ монументальнаго труда Н. А. Мѣдника. Если бы авторъ ограничился тремя томами переводовъ, съ приложениями къ нимъ біографическими и бібліографическими свѣдѣніями объ отдельныхъ авторахъ, то и тогда какъ автору, такъ и Имп. Палестинскому Обществу и инициатору предпріятія, В. Н. Хитрово, была бы обезпечена горячая благодарность всѣхъ, интересующихся исторіей Палестины. «Исслѣдованіе источниковъ» было бы выдающимся явленіемъ въ историко-критической литературѣ по востоковѣдѣнію, даже если бы оно заключало въ себѣ только два этюда, этюдъ объ ат-Табарія и этюдъ о договорѣ Омара съ хрстіанами; между тѣмъ авторъ, путемъ тщательнаго критическаго анализа источниковъ, выясняетъ еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ. Изъ предисловія и заглавнаго листа мы должны заключить, что обширное «исслѣдованіе источниковъ» является только введеніемъ къ «связному изложенію событій». Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе одного изъ оппонентовъ, бар. В. Р. Розена, по которому мы изъ переводовъ и исслѣдованія источниковъ получаемъ такое яркое представленіе о событіяхъ, что въ «связномъ изложеніи» уже не представляется надобности. Основная мысль Н. А. Мѣдника кажется намъ совершенно правильной; черная работа критическаго исслѣдованія является только подготовительной ступеню къ связному изложенію историческихъ судебъ страны, имѣющему цѣлью дать цѣльное и яркое представленіе о жизни страны въ разныя эпохи и о томъ, въ какой послѣдовательности слагались основныя черты этой жизни. Но такое изложеніе возможно только на основаніи *всѣхъ* источниковъ; если авторъ рѣшилъ предоставить спеціалистамъ-историкамъ «свести добытыя данныя съ показаніями остальныхъ, не-арабскихъ писателей», то имъ же приходится предоставить «связное изложеніе» исторіи Палестины. Н. А. Мѣдниковъ не только имѣетъ право считать свою работу законченной, но далъ намъ, какъ мы видѣли, значительно больше того, что предполагалось исполнить по первоначальному плану предпріятія.

В. Б.

316. W. Bode. Vorderasiatische Knüpftteppiche aus älterer Zeit, Verlag von H. Seemann Nachfolger, Leipzig, 1902, 136 стр., 8° (изъ серіи Monographien des Kunstgewerbes—Herausgeber Dr. Jean Louis Sponcel)—8 Mark.

Любители восточнаго искусства могутъ порадоваться—директоръ Берлинскихъ музеевъ д-ръ В. Боде выпустилъ въ серіи Monographien des

Kunstgewerbes¹⁾ обстоятельный и систематически составленный труд о древних византийских коврах из Западной Азии. Труд этот снабжен (въ текстѣ и въ текстѣ) большимъ количествомъ снимковъ съ наиболее типичныхъ образцовъ; послѣ заглавнаго листа данъ снимокъ въ краскахъ одного мало-азіатскаго шерстяного ковра XVI столѣтія изъ коллекціи автора. Въ виду обилія рисунковъ, книга эта можетъ быть названа художественнымъ изданіемъ, почему мы и считаемъ еѣ, назначенную за нее, вполне умѣренной. Написана она сжато и ясно и, несмотря на возникающую изъ разнообразія формъ трудность систематики, даетъ картину ковроваго производства Западной Азии съ точки зрѣнія развитія стѣла.

Количество изслѣдованій по исторіи восточнаго ковроваго производства не можетъ быть названо большимъ; самый интересъ къ изученію восточныхъ ковровъ возникъ очень недавно. Поэтому рядъ вопросовъ остается нерѣшеннымъ, отдѣльныя группы — необслѣдованными. Кромѣ мелкихъ статей, разбросанныхъ въ разлячныхъ журналахъ и замѣчаній самаго общаго характера въ руководствахъ по общей исторіи тканья и вообще художественной промышленности, мы можемъ назвать лишь небольшое число изслѣдованій. Нѣкоторыя изъ этихъ изслѣдованій являются впрочемъ въ высшей степени цѣнными и безъ нихъ врядъ-ли даже было-бы возможно появленіе такихъ работъ, какъ монографія г. Боде. Назовемъ хотя-бы работы: Ю. Лессинга (J. Lessing), *Alt-orientalische Teppichmuster nach Bildern und Originalen des XV — XVI Jahrhunderts* (Berlin, 1877) — изслѣдованіе, очень интересное по методу, которымъ пользуется въ широкой степени и г. Боде, А. Ригля (A. Riegl), *Altorientalische Teppiche* (Leipzig, 1891), того-же В. Боде, *Altpersische Knüpft Teppiche* (Berlin, 1892), рядъ монографій, изданныхъ Австрійскимъ Торговымъ Музеемъ (Wien, 1895) подъ заглавіемъ *Teppich-Erzeugung im Orient* (при участіи д-ра Боде); изъ ориенталистовъ занимался этимъ лишь вѣнскій профессоръ І. Карабачекъ (J. Karabacek) въ своемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ классическомъ, трудѣ: «*Die persische Nadelmalerei Susandschird*» (Leipzig, 1881). Наибольшее вниманіе было удѣляемо знаменитѣйшимъ коврамъ Востока — персидскимъ и древнимъ формамъ ковроваго производства; остальные группы почти не изучены. Сообразно съ этимъ распредѣляетъ свой матеріалъ и г. Боде. Кромѣ небольшого введенія, книга состоитъ изъ трехъ главъ: первая глава касается чистыхъ персидскихъ образцовъ, вторая —

1) Въ концѣ книги приложенъ краткій проспектъ изданныхъ и предполагаемыхъ къ изданію монографій. Для востоковѣдовъ интересна предположенная къ изданію монографія извѣстнаго путешественника по Малой Азии и Месопотаміи д-ра Ф. Сарре «*Persische Keramik*».

стилизированных персидских и сирійско-месопотамско-малоазіатскихъ, третья—смѣшанныхъ формъ и нѣкоторыхъ общихъ соображеній.

Небольшое введеніе (1 — 6 стр.) посвящено приемамъ изслѣдованія. Первымъ приемомъ авторъ называетъ изученіе надписей на коврахъ. Этотъ приемъ онъ считаетъ впрочемъ самымъ неточнымъ, такъ какъ кромѣ трудности чтенія (если надпись не содержитъ обычныхъ славословій изъ Корана), встрѣчается также затрудненіе и въ томъ, что нѣкоторые ковры суть точныя копія болѣе старыхъ образцовъ какъ въ рисунокѣ, такъ и въ надписи. Второй приемъ, которому онъ придаетъ гораздо больше значенія, состоитъ въ критикѣ стиля путемъ сравненія съ произведеніями другихъ отраслей художественнаго производства. Но и тутъ также поставлены опредѣленныя границы—орнаментъ можетъ быть вызванъ техникой вязанья, а потому стоять внѣ времени; трудно отличить образецъ упадка отъ первобытной формы; несомнѣнны историческія перемѣны. Третій приемъ, который считается авторомъ наиболее плодотворнымъ (приемъ, примѣненный Лесспигомъ въ вышеприведенномъ его сочиненіи), состоитъ въ изученіи изображеній ковровъ на старинныхъ каргиахъ, въ сравненіи ихъ съ сохранившимися образцами и въ установленіи такимъ путемъ исторической преемственности¹⁾. Какъ видно изъ изложенія этихъ приемовъ, авторъ опирается главнымъ образомъ на критико-стилистическія изслѣдованія; относительно техники онъ прямо оговаривается во введеніи, что не считаетъ себя специалистомъ и дѣлаетъ выписку изъ вышеприведеннаго сочиненія А. Ригля, а при дальнѣйшемъ изложеніи затрогиваетъ вопросы техники мимоходомъ. Въ введеніи-же затронуть вопросъ о древности ковровъ: большинство ихъ относится къ 16—18 ст., лишь немногіе къ 15 и концу 14 ст., одинъ только относится авторомъ къ 13—12 ст. Здѣсь-же высказывается мнѣніе, что извѣстія восточныхъ писателей о древнихъ коврахъ «sind zu sehr durch die blumenreiche Sprache des Orients ausgeschmückt» и что источники этого рода уже использованы (стр. 5). Считаю долгомъ рѣшительно возразить противъ этого. Понятіе «цвѣтистости» совершенно не можетъ быть приложено ко всѣмъ мусульманскимъ литературамъ во всѣ времена и у всѣхъ писателей. Объ использованности источниковъ нельзя говорить и въ другихъ, гораздо болѣе обработанныхъ, областяхъ востоковѣдѣнія; литературное-же источниковѣдѣніе исторіи искусства мусульманскаго Востока не только не

2) Относясь съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ указанному приему, мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что было-бы въ высшей степени важно привлечь къ изученію съ такой-же точки зрѣнія и живопись самого Востока (рисунки рукописей, такъ наз. миниатюры), но при полномъ отсутствіи научной разработки этой живописи, высказывать въ этомъ отношеніи опредѣленныя требованія—невозможно.

использовано, но совершенно не разработано: то что извлечено — крайне разбросано, значительная же часть материала хранится неизвлеченной в источниках¹⁾.

В первой главѣ разсматриваются, какъ сказано, персидскіе ковры чистаго стѣла. На первомъ мѣстѣ стоятъ три замѣчательнѣйшихъ ковра изъ шелка съ охотничьими сценами: во-первыхъ коверъ Австрійскаго Императорскаго Дома, во-вторыхъ коверъ, принадлежащій баронессѣ Ротшильдъ (Парижъ)²⁾, въ третьихъ — коверъ въ собственности Шведскаго Королевскаго Дома. Другіе экземпляры меньшихъ размѣровъ и худшаго матеріала, представляютъ уже вырожденіе этого типа. Сходный съ тремя вышеупомянутыми коверъ съ растительнымъ и животнымъ орнаментомъ, но безъ охотничьихъ сценъ, хранится въ Музеѣ Польди-Пеццоли въ Миланѣ. Другихъ подобныхъ по размѣрамъ экземпляровъ въ Европѣ болѣе не имѣется. Меньшихъ размѣровъ ковры, похожіе на вышеупомянутые, но безъ человѣческихъ фигуръ, извѣстны; они по большей части изъ шелка, но встрѣчаются также и шерстяные. Какъ примѣры приводятся авторомъ: коверъ Лобанова-Ростовскаго (теперь въ Музеѣ Штиглица въ СПБ.), ковры Ротшильдъ, художественно-промышленныхъ Музеевъ Парижа, Берлина, Лондона и т. д. Родственные шерстяные ковры вообще больше размѣрами и древнѣе шелковыхъ, но рѣже; примѣры въ Manufacture des Gobelins въ Парижѣ и др. Затѣмъ идутъ ковры безъ изображеній живыхъ существъ, но вполнѣ сходные съ предъидущими въ орнаментикѣ и техникѣ. Общій для всѣхъ вышеназванныхъ ковровъ типъ, состоящій изъ щита въ серединѣ и обрѣзковъ щитовъ по угламъ, переходитъ въ сплошное поле растительнаго орнамента. Образцовъ подобнаго рода ковровъ много (сходны съ современными исфаганскими). По изображеніямъ на картинахъ нидерландской школы, г. Боде относитъ ихъ фабрикацію ко времени отъ середины XVI до начала XVIII вѣка. Интересная коллекція такихъ ковровъ имѣется у бар. Тухера въ Римѣ и Нюрнбергѣ. За этими коврами слѣдуетъ еще нѣсколько типовъ, все сильнѣе отличающихся отъ типа большихъ шелковыхъ ковровъ.

1) Въ частности для ковровъ приведу напр. извѣстіе арабскаго географа IX—X вѣка Ибн-ал-Факіха (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, pars V, стр. 174) о томъ, что Персы изображаютъ на коврахъ (и сосудахъ; ср. Goldziher, Muhammedanische Studien II s. 361) царя Бахрамъ-Гура всегда верхомъ на верблюдѣ. Извѣстіе это, насколько мы знаемъ, еще не указанное, представляетъ извѣстный интересъ для исторіи ковровой орнаментики.

2) Не лишена интереса исторія перепродажъ и современная оцѣнка этого ковра. Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ одно частное лицо продало его за 150 франковъ антиквару Бардини во Флоренціи, отъ котораго черезъ нѣсколько времени онъ перешелъ въ собственность Ротшильда за 30000 франковъ. Теперь цѣна его почти вдвое больше того, за что купилъ его Ротшильдъ.

Все это разнообразіе сводится тѣмъ не менѣе къ одному типу, а также мѣсту и времени, именно къ Персіи эпохи Сефевидовъ. Общій характеръ орнаментики вполнѣ тождественъ съ характеромъ орнаментики другихъ видовъ художественной промышленности той-же эпохи въ Персіи. Типично для персидскихъ ковровъ присутствіе китайскихъ элементовъ въ орнаментѣ: *чи* (символь безсмертія), борьба дракона съ фениксомъ (гербъ Мяннской династіи), *килинъ* и т. д., а также буддійскіе символы: шары (*чинтāмахи*), двѣ рыбы и пр. Въ заключеніе главы авторъ говоритъ еще о такъ называемыхъ *Polenterpiche*, которые онъ считаетъ восточнымъ производствомъ, но не персидскимъ, а турецкимъ, константинопольскимъ; онъ сближаетъ ихъ со старинными дамасскими коврами (*tappeti damaschini*).

Во второй главѣ разсматриваются образцы ковровъ, отступающихъ отъ типа чистыхъ персидскихъ и образцы съ растительнымъ или геометрическимъ узоромъ. Ихъ гораздо больше числомъ, чѣмъ приведенныхъ въ первой главѣ ¹⁾. Болѣе древняя группа этихъ ковровъ даетъ сильно стилизованные узоры цвѣтовъ, листьевъ и вѣтокъ (матеріаль — шерсть). Время возникновенія этой формы ковровъ, авторъ относитъ къ болѣе древнему періоду (характерны краски фона — бѣлая и желтая), къ границѣ XV — XVI ст. (примѣры — Берлинскій Художественно-промышленный Музей, церковь San-Salvadore въ Венеціи, Кенсингтонскій Музей и др.). Другая группа сходна въ расположеніи частей и рисунка съ болѣе поздними коврами съ звѣринымъ орнаментомъ (часто встрѣчается на картинахъ). Образцы этой группы встрѣчаются еще теперь на Востоцкѣ, а въ Европѣ въ церквяхъ Италіи, Испаніи, Португаліи, Тироля, южной Германіи. Лучшіе экземпляры этого рода мы находимъ въ коллекціи графа Строганова въ Римѣ. Возникновеніе этого типа, насколько можно опредѣлить, относится ко второй половинѣ XVI вѣка. Затѣмъ слѣдуетъ типъ, дающій на одноцвѣтномъ фонѣ небольшую четырехъ-или шестистороннюю звѣзду; растительный образецъ орнамента едва замѣтенъ (картины XVI в.). Далѣе типъ ковровъ безъ звѣзды въ серединѣ; вмѣсто нея — вазы съ распускающимися цвѣтами. Этотъ типъ встрѣчается на картинахъ, особенно нидерландской школы, въ XVII вѣкѣ, до половины XVIII в.; къ этому времени нужно отнести и возникновеніе его. Далѣе слѣдуютъ молитвенные ковры, одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ

1) Тутъ-же затронуется вопросъ о выставкѣ ковровъ въ различныхъ музеяхъ; богатой и интересной, но плохо выставленной считаетъ авторъ коллекцію восточныхъ ковровъ въ Берлинскомъ Художественно-промышленномъ Музеѣ; такого-же интереса, но, вслѣдствіе лучшей выставки, болѣе полезными считаетъ онъ собранія Восточнаго Торгового Музея въ Вѣнѣ, Національнаго Музея въ Мюнхенѣ, Musée des arts décoratifs, Manufacture des Gobelins и др.; болѣе же интереснымъ — Кенсингтонскій Музей въ Лондонѣ.

восточных ковров вообще. Существуют образцы съ конца XV ст. (темно-лиловый цвѣтъ фона — признак древности). Большая часть этихъ ковровъ болѣе новая. На нихъ — изображенія михраба (молитвенной ниши). Всѣ вышеупомянутыя группы имѣютъ общее въ раздѣленіи на среднее поле и бортъ, въ узорѣ и украшеніи; эти особенности указываютъ на определенныя время и мѣсто и служатъ главными признаками вязаныхъ работъ Персіи Сефевидовъ и зависимыхъ отъ нихъ работъ Западной Азіи. Рядомъ съ этими группами, имѣющими между собою много общаго, стоятъ другой типъ ковровъ (отчасти современный вышеупомянутымъ, отчасти болѣе древній), относимый г. Боде къ Малой Азіи, Сиріи, Месопотаміи и имѣющей уже не персидскій, а ранне-мусульманскій, по терминологіи автора — сарацинскій характеръ. Эти ковры находятся въ ближайшемъ родствѣ съ шелковыми тканями мусульманскаго Востока, чѣмъ и опредѣляется ихъ датировка и мѣсто происхожденія. Узоры ихъ несутъ на себѣ отпечатокъ большей древности. Они состоятъ изъ повторенія геометрической фигуры или растительной формы, въ болѣе раннее время съ изображеніями звѣрей. При описаніи этихъ ковровъ г. Боде придерживается своей системы восходить отъ болѣе новаго къ болѣе старому. Прежде всего приводится группа такъ называемыхъ «ковровъ съ изображеніями вазъ» (Вѣнскій Торговый Музей, Берлинскій Художественно-промышленный Музей и др.). Родственный типъ — цвѣты въ плетеніяхъ (Musée des arts décoratifs и др.). Затѣмъ, группа съ изображеніями деревьевъ среди растительнаго орнамента (Бардини во Флоренціи, коллекція автора и др.). Къ этимъ-же образцамъ относится и группа ковровъ, изображающая цѣлыя садовые пейзажи (въ коллекціи д-ра Фигдора въ Вѣнѣ, Сарре въ Берлинѣ и др.). Оригиналенъ образецъ въ коллекціи автора, представляющій узоръ изъ цвѣтка въ видѣ звѣзды, окруженный плетениемъ, при чемъ замѣтно сильное стремленіе къ геометрическому орнаменту. Вообще, чѣмъ древнѣе ковры, тѣмъ болѣе замѣчается склонность къ геометрическимъ формамъ. Затѣмъ слѣдуютъ другія группы: сильная стилизація растительнаго элемента съ бортомъ, представляющимъ подражаніе куваческому писью (на картинахъ венеціанской и нидерландской школь; примѣръ изъ коллекціи бар. Тухера въ Римѣ); ромбoidalныя фигуры птицъ среди растительнаго элемента (картины XVII в.; примѣръ изъ коллекціи автора); кружки (три) съ волнистыми полосками (примѣръ изъ коллекціи автора) и другія формы, съ сильной склонностью къ геометрическому орнаменту. Одновременно съ древнѣйшими изъ этихъ ковровъ съ геометрическимъ орнаментомъ, снова можно констатировать присутствіе ковровъ съ изображеніями звѣрей. И оригиналовъ, и картинъ съ изображеніями ковровъ этого рода очень мало. Звѣри являются

сильно стилизованными. Какъ примѣръ приводится коверъ изъ собранія Берлинскаго Художественно-промышленнаго Музея¹⁾. Ковры съ драконами (четыре экземпляра: одинъ Т. Графа въ Вѣнѣ, два въ Америкѣ, одинъ въ коллекціи автора) представляютъ другіе примѣры ковровъ подобной группы. Затѣмъ, только картины служатъ образцами ковровъ этого типа. Какъ древнѣйшій образчикъ г. Бодѣ приводитъ коверъ Берлинскаго Музея, купленный авторомъ въ Мюнхенѣ въ 1884 г. (куда онъ попалъ изъ одной церкви въ Тиролѣ) причудливаго узора (сходство съ сасанидскими образцами); цвѣта—блѣдные и матовые; техника обнаруживаетъ старинное происхожденіе.

Въ третьей главѣ разсматриваются прежде всего смѣшанныя формы. 1) Смирнскіе ковры (толчекъ къ ихъ производству былъ данъ европейцами); для нихъ характеристичны — грубая шерсть, слабое вязанье, высокая стрижка, нѣжные цвѣта, не самобытные узоры, квадратная форма. 2) Мароккскіе ковры (такъ называемые); отличаются окраской — вишнево-краснымъ фономъ съ желтовато-зелеными или голубыми узорами. Орнаментъ геометрической или сильно стилизованный растительный. Ихъ относятъ въ Марокко изъ-за сходства со стѣнною росписью мавританскихъ построекъ; авторъ сомнѣвается въ художественной производительности Марокко, особенно въ XVI вѣкѣ, къ которому относится ихъ происхожденіе, а на основаніи того, что ковры подобнаго рода встрѣчаются въ Италіи и отсутствуютъ въ Испаніи, въ техникахъ-же и окраскѣ сходны съ Родосскими каменными плитами, онъ относитъ ихъ въ Малую Азію или Сирію и сближаетъ съ *tappeti damaschini* венеціанскихъ пивентарей XVI в. 3) Испанскіе ковры (такъ называемые); по словамъ г. Бодѣ въ значительной части происходятъ изъ Италіи, а происхожденіемъ весьма вѣроятно съ Родоса; онъ сближаетъ ихъ съ венеціанскими *tappeti rhodesi*. Далѣе авторъ указываетъ на то, что не всѣ польскіе и испанскіе ковры суть восточныя подражанія и что эти подражанія не надо смѣшивать съ коврами: 1) польскими, не имѣющими ничего общаго съ приведенными въ первой главѣ *Polentepiche*, а подражающими французскимъ образцамъ и 2) испанскими, не имѣющими ничего общаго съ Востокомъ, также какъ и ковры Абрудцскихъ горцевъ и венеціанскіе ковры въ стилѣ Рококо. Въ заключеніе идетъ общій обзоръ. Авторъ указываетъ, что не исчерпалъ весь матеріалъ, а лишь указалъ наиболѣе типичное, сообщаетъ тѣ основанія, на которыхъ онъ построилъ свой обзоръ, разграничиваетъ періоды (высшій расцвѣтъ въ Персіи —

1) Коверъ съ подобнымъ же рисункомъ, найденный въ Норвегіи, считается имъ за подражаніе восточному образцу.

сефевидская эпоха, вырожденіе въ молитвенныхъ коврахъ и коврахъ съ изображеніями вазъ; параллельно съ Персіей идетъ развитіе въ Месопотаміи и Малой Азіи—стилизация растительнаго орнамента, геометрическія формы; восходя къ XIV в. — звѣриный орнаментъ, безъ растительныхъ элементовъ и сильно стилизованный, какъ въ древне-персидскомъ искусствѣ), указываетъ данныя для опредѣленія древности (характеристика стилия ковровъ)¹⁾.

Такова въ краткихъ словахъ работа г. Бодэ. Авторъ все время стремится къ системѣ и, гдѣ возможно, достигаетъ ея; если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло усложняется обиліемъ группъ, то въ этомъ, конечно, вина матеріала, съ большимъ трудомъ поддающагося систематикѣ. Представленные снимки даютъ, разумѣется, далеко не полное представленіе о подлинникахъ, такъ какъ исполнены не въ краскахъ, игра которыхъ составляетъ, быть можетъ, наибольшую славу восточныхъ ковровъ. Во всякомъ случаѣ книга г. Бодэ представляетъ собою солидный и вполне научно обставленный трудъ надъ массой неразработаннаго матеріала, трудъ, который можетъ быть названъ среди лучшихъ сочиненій по исторіи искусства мусульманскаго Востока.

К. Иностранцевъ.

317. Grammaire et Vocabulaire de la langue mongole. (Dialecte des Khalkhas) par le Baron Vitale et le Comte de Sercey. Péking. 1897²⁾. VIII + 68. 16°.

Особый интересъ этой небольшой книжки обуславливается во-первыхъ тѣмъ, что она, не задаваясь слишкомъ широкими цѣлями, даетъ намъ грамматику только одного нарѣчія монгольскаго языка, какъ разъ халхасскаго, которое до сихъ поръ являлось подъ именемъ «Монгольскаго языка» предметомъ преподаванія на факультетѣ восточныхъ языковъ, во-вторыхъ тѣмъ, что въ ней трактуется исключительно о разговорномъ языкѣ, совершенно независимо отъ способа изображенія его на бумагѣ.

Въ настоящее время мы имѣемъ двѣ отличныя работы д-ра Г. I. Рамстедта «Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen» (Helsingfors 1902) и «Über die Konjugation des Khalkha

1) Интересно сообщеніе общаго характера, что для старыхъ ковровъ типиченъ узкій борть.

2) Хотя эта книга появилась уже пять лѣтъ тому назадъ, мы все же рѣшаемся о ней сказать нѣсколько словъ, такъ какъ до сихъ поръ въ русской литературѣ она осталась почти незамѣченной.